

MARŻAN ŻAPANOWA

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Kazachstan
zhananova-marzhan@rambler.ru

Поэтика и семантика чувств: Абай и Чеслав Милош

Слова назидания или *Книга слов* — философское автобиографическое произведение великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева (1845–1904), которое состоит из 45 миниатюрных притч и небольших философских трактатов. В них автор излагает свое видение проблем национального воспитания и мировоззрения, морали и права, истории казахов.

Придорожная собачонка Чеслава Милоша (1911–2004), по мнению исследователей, пестрая смесь стихотворений, заметок дневникового типа, мемуарные фрагменты, сюжеты ненаписанных рассказов, притчи и легенды.

Названных художников слова разделяют время и пространство. Абай Кунанбаев жил и творил во второй половине XIX века, скончался он в 1904 году за семь лет до рождения Чеслава Милоша, который стал одним из самых выдающихся польских поэтов XX века и лауреатом Нобелевской премии.

Обращаясь к поэтике заглавий произведений, заметим, что творение Абая *Слова назидания* озаглавлено высоким стилем, подчеркивающим как основную проблему произведения, так и жанровую особенность притчи, заключающей в себе нравственно-этическое поучение. Заглавие сочинения Милоша *Придорожная собачонка* созвучно разговорному стилю. Осмелимся утверждать, что слово „собачонка” неслучайно использовано в уменьшительно-ласкательной форме: под ним подразумевается образ человека обывательной жизни. Но кажущаяся простота обманчива, ибо человек Чеслава Милоша занят постижением тайны бытия, поисками истины и противостояит империи Лжи. Он пишет:

Я отправился познавать свой край в телеге, запряженной двумя лошадьми, с большим запасом фуража и жестяным ведром, грохочущим сзади. Ведро нужно, чтобы поить коней. Передо мной рассказывает лирический герой-поэт: [...] открывались то пригорки и рощи, то деревни посреди густого леса, где дым клубится на кры-

шах, словно в доме пожар, — это потому, что избы курные. Или я ехал среди полей и озер. До чего интересно ехать и ехать, отпустив поводья, и ждать, чтобы из-за деревьев внизу показалась деревенька или парк, а в нем — белая усадьба. И тут же нас облаивала собачонка, рьяно исполняющая свой долг. Было начало столетия; теперь оно подходит к концу. Я думал не только о людях, которые там жили, но и о поколениях собачонок, участвующих в повседневной жизненной суете, и однажды непонятно откуда, вероятно в предутреннем сне, возникло это смешное и ласковое название: *Придорожная собачонка*¹.

Звучат мотивы равенства человека и животного как равноценных явлений природного мира. Персонаж — животное, как это характерно для нравоучительной притчи, в данном случае собачонка, которая служит примером к назиданию.

Абай пишет *Слова назидания* на склоне лет, уже познав искушения власти и тяготы земных дел, отвержение толпы и разрыв со своей средой. Определенное воздействие на формирование мировоззрения Абая оказал уклад его жизни, то есть влияние культур: собственно казахской, арабоперсидской и русской, к которым он стремился и призывал народ.

Оппозиция „хорошо–плохо” конкретизирована в *Слове первом*:

Хорошо я жил или плохо, а пройдено немало: в борьбе и ссорах, судах и спорах, страданиях и тревогах дошел до преклонных лет, выбившись из сил, пресытившись всем, обнаружил бренность и бесплодность своих деяний, убедился в униженности своего бытия. Чем теперь заняться, как прожить оставшуюся жизнь? Озадачивает то, что не нахожу ответа на свой вопрос. Наконец решил: бумага и чернила станут отныне моим утешением, буду записывать свои мысли. Если кто найдет в них нужное для себя слово, пусть перепишет или запомнит. Окажутся не нужными мои слова людям — останутся при мне. И нет у меня теперь иных забот².

Эмоциональное состояние героя явно ориентировано на философию творчества. Главными „орудиями” созидания при этом становятся бумага и калам. Калам в исламской символике (а Абай был глубоко религиозным человеком) олицетворяет активное творческое воздействие на статичную субстанцию и бытие.

Принцип формирования малой формы художественной прозы, дидактичной и исповедальной, насыщенной мыслью и манифестацией общечеловеческой идеи бытия, объединяющей поэтов, позволяет выявлять типологию чувств. Уже в первых миниатюрах Абая и Ч. Милоша звучат чувства, содержащие в себе авторское оценочно-субъективное отношение к изображаемому миру, доминируют образы-переживания, образы-мысли и другие.

Высшими чувствами — нравственными переживаниями, связанными с отношением авторов к другим людям, к обществу и своим общественным обязанностям, рождена миниатюра Чеслава Милоша *Образец нравствен-*

¹ Ч. Милош, *Непокоренная песнь*, перев. В. Кулагина-Ярцева, Алматы 2011, с. 119.

² А. Кунанбаев, *Книга слов. Поэмы*, перев. К. Серикбаева и Р. Сейсенбаев, Алматы 1993, с. 140.

ности. „Мой образец нравственности: те, что всю жизнь служили разуму и сохранили эту страсть и в восемьдесят лет, и до конца”³ — размышляет поэт.

В статье Чеслав Милош о разуме в эссе „Придорожная собачонка”⁴ исследователь Асия Ковтун рассматривает концепт разума в одноименном произведении. По мнению автора статьи, размышляя о разуме, Чеслав Милош высказывает несколько, иногда взаимоисключающих, точек зрения. Поэт отказывается от иллюзий понимания приоритетной роли и значения разума в современном мире. Вместе с тем он признает, что человек XX века еще зависит от идеи превосходства разума над другими способами познания. В эссе *Одна жизнь* польский поэт называет своего современника приверженцем века Разума, в эссе *Заноза* его герой — поклонник разума — человек культурный, прогрессивный. Словом, поэт, возвеличивая разум, формулирует новые ценностные ориентиры, новое понимание смысла жизни, человеческого счастья.

Известно, что нравственная личность — центральная тема размышлений Абая. Целостную концепцию о гармоничной, нравственной личности, поэт популяризирует посредством своего творчества, где образ-персонаж сердце — „место обитания самых благородных, самых лучших качеств человека — милосердия, доброты, справедливости, благоговения, чести и совести. [...] Абай объяснял сердце как бурлящий источник эмоциональных чувств, милосердия и благоволения, составляющих основу человечности”⁵ — отмечает абаевед Мекемтас Мырзахметулы.

Если у Милоша залог категории нравственности безапелляционно — разум, то в *Слове семнадцатом* казахского мыслителя главные компоненты человечности — Сердце, Воля и Разум, которые подвергаются испытанию Наукой, чтобы выявить первенство. Наука, как достижение всего человечества, пытается помирить их и призывает беречь в себе человечность. По его мнению, Воля и Разум, действуя без вedomо Сердца — чувства высокой нравственности, не всегда смогут достичь желаемого результата. Сердце чувствительно, считает поэт, олицетворяя его и вырабатывая философскую концепцию о роли сердца в формировании гуманистических воззрений личности. Отсюда семантическое значение разума у Абая не в прямом его значении, а в значении мудрости, которая должна служить добрым намерениям.

Добро и зло для Милоша не только категории этики, показывающие мотивации поступков или отношений человека и мира. Наши поступки, связывающие нас с другими людьми, всегда имеют определенные последствия.

³ Ч. Милош, *Непокоренная песнь...*, с. 125.

⁴ А. Ковтун, *Чеслав Милош о разуме в эссе „Придорожная собачонка”*, электронный ресурс: Czeslaw Milosz about reason in the essay *Pieśń przydrożna*, http://filologia.vukhf./t/9-14/2_4%20kovtun%20red%ER%20%20J%VM.doc.

⁵ М. Мырзахметулы, *Восхождение Мухтара Ауэзова к Абаяу*, Алматы 1994, с. 299.

Милош предполагает, что в этом мире ничего не происходит случайно. Человек всегда отвечает за зло, даже совершенное против его воли: „Я нечист, я грешник, я недостойная личность — и даже не из-за своих поступков, а по причине сидящего во мне зла”⁶, — рефлектирует в эссе *Благородство* Милош. Словом, чувства добра и зла в представлении Милоша даны как дуализм бытия.

С чувствами презрения и подозрения в эссе *Презрение к себе* относится Чеслав Милош к своим соотечественникам, склонным везде видеть измену, щедро награждающих словом „изменник” каждого, кто — тем или иным образом — выйдет из ряда.

Подозревая поляков в неумении писать романы из-за того, что им нет дела до людей, он пишет: „Каждого интересуют только он сам и Польша. А если не Польша — как в литературе романтизма, — то остается только он сам”⁷.

Абай, которому в детстве приходилось слышать, как казахи смеялись над узбеками и ногаями, были недовольны урусамы (русскими), словно вторит польскому поэту в *Слове втором*. Поэт-просветитель, с горечью отмечая в своем народе такие качества, как невежество и бахвальство, злословие и зависть, как бы оправдывает их, связывая с невежеством людей мыслящих по-старинке и не желающих что-либо изменять в жизни. Среди достоинств соседей — умение жить в мире и в ладу, стойко переносить нужду, смиренно встречать смерть, беречь школы, чтить религию, умение трудиться и наживать богатства, наряжаться и веселиться. И с грустью заключает поэт-патриот: „Мы же, казахи, батрачим на их баев за жалкое пропитание”⁸, — возможно, осознавая, что наивысший патриотизм — борьба с комплексами своей нации.

В *Слове двадцать пятом* Абая наряду с чувством патриотизма проявляется высшее чувство человека — интеллектуальное. Поэт призывает учиться русской грамоте:

Духовные богатства, знания, искусство и другие несметные тайны хранит в себе русский язык. Чтобы избежать пороков русских, перенять их достижения, надо изучить их язык, постичь их науку. Потому что русские, узнав иные языки, приобщаясь к мировой культуре, стали такими, какие они есть. Русский язык откроет нам глаза на мир. Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них, не унижается ничемными просьбами. Просвещение полезно и для религии... Нужно учиться, чтобы узнать то, что знают другие народы, чтобы стать равными среди них, чтобы стать защитой и опорой для своего народа⁹.

По Абаю, знание русского языка являлось необходимой предпосылкой для овладения большим богатством русской и мировой культуры, то есть было „окном в свет”.

⁶ Ч. Милош, *Непокоренная песнь...*, с. 126.

⁷ Там же, с. 124.

⁸ А. Кунанбаев, *Книга слов...*, с. 142.

⁹ Там же, с. 185.

В эссе *Прощайте острова* Милош с болью размышляет о судьбе островов Эя, Корфу, Итака и других, некогда „пронизанных поэзией”. Обращаясь к культурному сознанию европейцев, поэт вспоминает миф об острове Блаженства, притягательность которого заключалась в том, что он был отрезан от истории водой. Мыслитель апеллирует к картине Антуана Ватто *Паломничество на Киферу* (1717), на которой изображены аристократы накануне революции. Они собираются в путешествие на райский остров, где царит любовь, и также будут отделены от исторических событий водой. Далее он продолжает, что острова, начиная с *Робинзона Крузо* (1719) Даниеля Дефо, *Острова сокровищ* (1883) Роберта Стивенсона и *Моби Дика* (1851) Германа Мелвилла, являлись не только „мечтой каждого, кому слишком досадило человечество”, но и пространством беззаботной жизни неиспорченным цивилизацией. Экология души поэта пробуждала в нем чувства тревоги, заботы за окружающую среду. Он сетует на туристический бизнес второй половины XX века, который влечет за собой урбанизацию. Если в XVIII веке острова вызвали эстетические чувства, то у современников Милоша — экологическое чувство, несомненно связанное с развитием общества.

Это чувство получает развитие и в эссе *Пейзаж: или-или*, где автор противопоставляет первозданность природы „особому царству” — городским картинам, которые создал человек, „будто прибывший из другой планеты”. Понимая, что „первозданный пейзаж” не может оставаться нетронутым, он считает, „человек мог бы обойтись с ним иначе — не подчинять его себе, а остаться от него зависимым”¹⁰. Милош не только размышляет о природе, причисляя себя к любителям и защитникам ее, но и ищет пути сохранения ее. Как предостережение звучит вопрос: „Какой путь мы выберем, помня о том, что первозданное состояние пейзажа уже невозможно?”¹¹.

Эссе *Легенда* несколько автобиографично, его герой тоже поэт-изгнанник, принявший свое изгнание „спокойно, потому что вдруг впервые в жизни очутился среди людей, пейзажей, запахов, не вызывающих рвотных рефлексов, почувствовал себя хорошо”¹². Героя Милоша тоже не любило государство, интерпретируя его творчество на свой лад, политически. За границей он обретает славу, выступая в защиту поэзии, искусства, утверждая, что во всей истории человеческих взаимоотношений эстетика предшествует этике. Но с ним прощаются в готическом соборе, „придавленном” стоящим рядом небоскребом, где траурной церемонии читаются молитвы, исполняется музыка Гайдна, Перселла и Моцарта и поэт-изгнанник находит себе „убежище на острове книг и пластинок”, который выдумал вместе с несколькими друзьями. Остров становится символом спасения, убежища, средоточием духа.

¹⁰ Ч. Милош, *Непокоренная песнь...*, с. 143.

¹¹ Там же

¹² Там же, с. 140.

Слово двадцать седьмое Абая как бы подводит итог вышеизложенному. Отвечая на вопрос Сократа о творениях, достойных восхищения, его ученик Аристодем называет поэзию Гомера, трагедии Софокла, умение иных перевоплощаться в чужие образы, живопись Зевксиса. Сократ отмечает, что в мире много полезных вещей, и если она полезна, то это творение разума:

Всевышний, создавая человека, наделил его пятью органами чувств, зная об их необходимости человеку. Он дал глаза, чтоб видеть, без них мы не могли бы наслаждаться красотами мира. Чтоб можно было открывать и закрывать глаза, даны веки, чтоб уберечь их от ветра и сора, даны ресницы, чтоб отвести от глаз пот, стекающий со лба, даны брови. Не будь у нас ушей, мы не могли бы слышать ни грохота, ни нежных звуков, не смогли бы наслаждаться пением и музыкой. Не имей мы носа, не могли бы различить запахов, нас не тянуло бы к ароматам, не отвращало бы от зловоний. Не имея языка и неба, не отличали бы сладкое от горького, мягкое от жесткого. Разве все это не на пользу сотворено?¹³

Безусловно, Абай подводит нас к тому, что бытие познается человеком через пять органов чувств.

Резюмируя вышеизложенное, отметим:

— *Слова назидания* Абая — это лирико-философские раздумья лирического героя, пребывающего в „замкнутом пространстве” российской окраины второй половины XIX века;

— в *Придорожной собачонке* представлены лирико-философские раздумья героя, пребывающего в движении (сравним калам-перо/чернила статика бытия);

— в творении казахского поэта звучит мотив конца, поскольку его герой, познав свой край, остановился, потому что обнаружил брэнность и бесплодность своих деяний (все суета сует, как у Соломона). У Милоша — мотив начала, он „отправился познать свой край”;

— эмоционально-психическое состояние героев в *Словах назидания* и *Придорожной собачонке* выделяют состояние личностное — глубокие эмоциональные переживания. В произведениях отрицательные эмоции доминируют над положительными, а польский мыслитель, рефлексирова, допускает юмор;

— поэтов объединяет тонкая религиозно-нравственная восприимчивость, которая позволяла им искать ответы на важнейшие вопросы человека;

— хронотоп произведений: у Абая — итоги жизни лирического героя-поэта, у Ч. Милоша — итоги жизни „от начала столетия; и до той поры, когда оно подходит к концу”;

¹³ А. Кунанбаев, *Книга слов...*, с. 192.

— Слова назидання казахського мислителя написані з метою „лечить недуг духовный”. Милош поезію називає пороком, напоминаючим чело-веческому сообществу, что „мы нездоровы”.

Poetics and semantics of the senses: Abay and Czesław Miłosz

Summary

Words or Book of words is the fundamental work of the great Kazakh akyn and enlightener Abay, which consists of 45 short parables and philosophical treatises raising issues of national education and ideology, morality and law, the history of the Kazakhs.

Roadside dog by Czesław Miłosz is, according to researchers, a mix of motley poems, notes, diary-type fragments of memoirs, unwritten stories, parables and legends...

The titans of the two nations share time and space and combine the attempts to create a small form of fiction, didactic and confessional, saturation thought.

Referring to the poetics and semantics of the senses of Abay and C. Miłosz, which contain the authors' appraisal and a subjective element to the represented subject, we must recognize the dominance of images, feelings, images, thoughts, etc.

Keywords: senses, time and space, confession, feelings, images, thoughts, the author's assessment.

Поетика відчуттів: Абай і Чеслав Мілош

Резюме

Напутні слова або *Книга слів* — фундаментальний твір великого казахського акина і просвітителя Абая Кунанбаєва, який складається із 45 коротких притч та філософських трактатів, і в якому піднімаються проблеми національного виховання та світогляду, моралі й права, історії казахів.

Придорожній песик Чеслава Мілоша, на думку дослідників, є строкатою сумішшю віршів, заміток щоденникового типу, мемуарних відламоків, сюжетів ненаписаних оповідань, притч та легенд.

Титанів двох народів розділяють час і простір. Але їх поєднують спроби творіння малої форми художньої прози, дидактичність та сповідальність, насиченість роздумами.

Звертаючись до поетики й семантики відчуттів зазначених творів Абая і Чеслава Мілоша, які містять у собі авторський оцінювально-суб'єктивний момент щодо зображуваного предмету, слід визнати домінування образів-переживань, образів-думок тощо.

Ключові слова: відчуття, час і простір, сповідальність, образи-переживання, образи-думки, авторська оцінка.